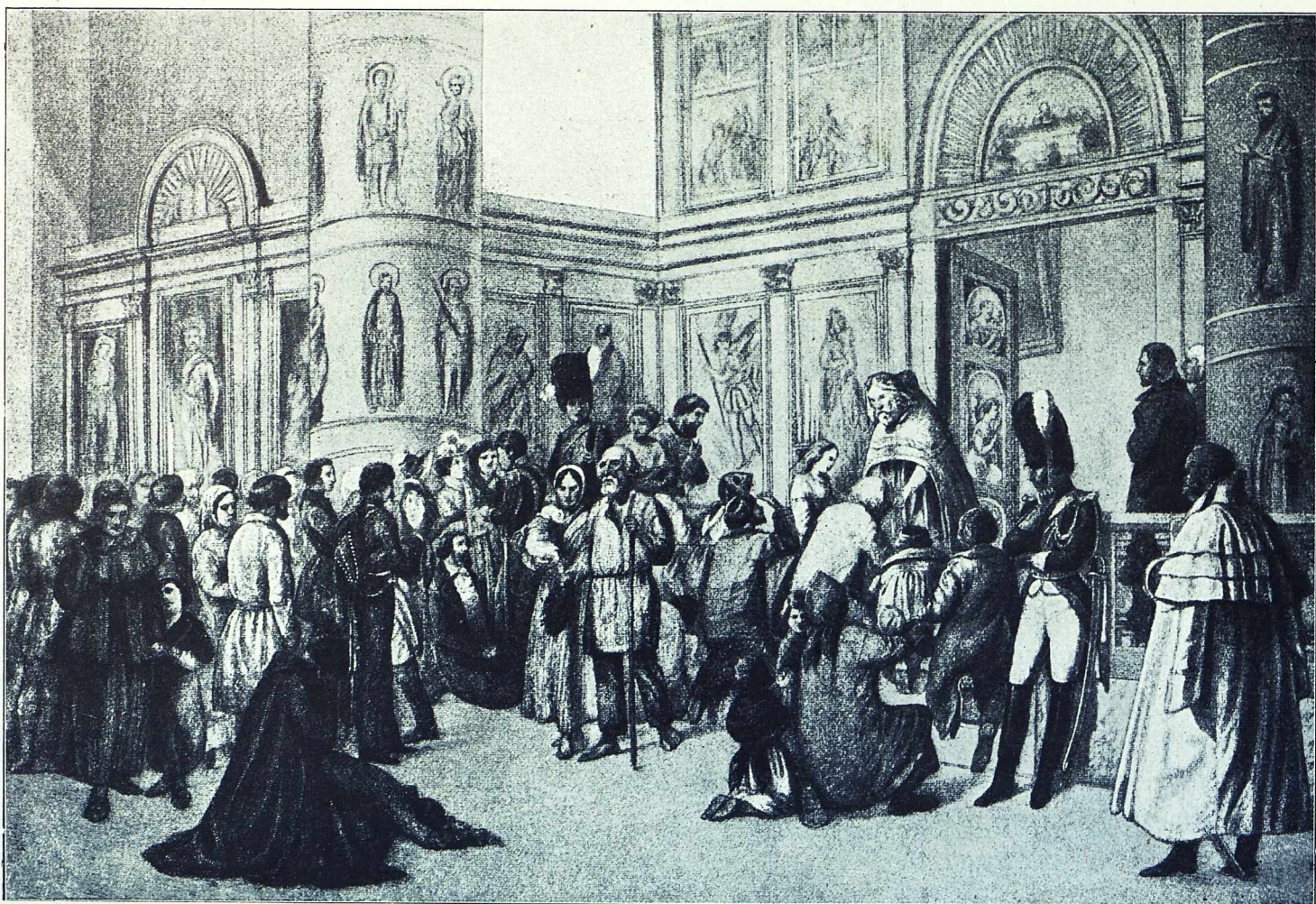

одинъ французскій офицеръ признавался, что со времени революціи не видано было такого безпорядка въ арміи... Всѣ улицы были полны человѣческими трупами, перемѣшанными съ падалью лошадей и другихъ животныхъ... Здѣсь кричали караулъ, и голоса замирали, захлебываясь въ своей крови. Въ другихъ мѣстахъ тащили по улицѣ чуть не голыхъ мужчинъ и женщинъ и съ ножомъ у горла требовали открытія спрятанныхъ будто бы сокровищъ. Всѣ двери лавокъ были настежь открыты, продавцы въ бѣгахъ, товары разбросаны повсюду... Не успѣла одна шайка мародеровъ уйти изъ дому, какъ другая врывалась и не оставляла ни рубалки, ни какого-нибудь салюта. На улицахъ въ эти дни жителямъ нельзя было показываться даже съ конвоемъ, такъ какъ сама охрана грабила, а въ случаѣ крика или жалобъ была до полусмерти.

Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра, писала своей матери слѣдующія знаменательныя строки:

„И вотъ эта орда варваровъ поселилась на развалинахъ этой чудной столицы; они вели себя тутъ такъ же, какъ и вездѣ. Нашъ народъ предпочелъ сжечь все то, что ему было дорого, не желая отдать все это цѣликомъ въ руки непріятеля, а великая нація разоряетъ, грабитъ, „уничтожаетъ все, пока есть еще, что грабить“. Наполеонъ, вступивъ въ Москву, не нашелъ того, на что онъ надѣялся. Онъ рассчитывалъ найти общество: его уже не было, всѣ разѣхались; онъ рассчитывалъ на нравственное впечатлѣніе, на уныніе и упадокъ духа, которые онъ возбудилъ въ народѣ, а между тѣмъ онъ возбудилъ лишь озлобленіе и желаніе отомстить. Онъ рассчитывалъ, что конечнымъ результатомъ этого будетъ миръ: прилагаю воззваніе, обнародованное Императоромъ, какъ только стало извѣстно о выступленіи нашихъ войскъ изъ Москвы. Я увѣрена, дорогая мама, что вы одобрите его содержаніе. Оно написано съ полнымъ благородствомъ и достоинствомъ; оно запечатлѣно духомъ народа, къ которому обращено. Я ручаюсь, что рѣшеніе, о которомъ говоритъ Императоръ, непоколебимо. Если бы подобная участь угрожала даже Петербургу, то и тогда Государь былъ бы далекъ отъ мысли заключать постыдный миръ“.

Занятіе Наполеономъ Москвы заставило правительство принять мѣры предосторожности на случай движенія непріятеля къ Петербургу, почему приказано было вывезти изъ столицы всѣ архивы и драгоцѣнности. Но Наполеонъ не думалъ вовсе о Петербургѣ, а среди вакханалій въ Москвѣ учредилъ даже французскій театръ.

Молебствіе въ Москвѣ въ храмѣ Евпла, въ присутствіи французовъ.